

ЛЕОНИД ЛЕВИН

# Как фальсифицируют историю войны

## О Курской битве, штрафбатах и заградотрядах

Каждый год отмечаются очередные годовщины Великой Победы над фашистской Германией и юбилеи крупнейших битв и сражений Великой Отечественной. Проходят маршем войска, выпивают положенное совсем уже немногочисленные ветераны, выжившие в боях, пережившие годы «перестройки» и российской «демократизации». И пользуясь благоприятной возможностью, спешат высказаться по поводу и без повода «исторические мифологи»<sup>1</sup> различного масштаба. От вовсе махоньких, карликовых, хорошо прикормленных и прирученных до самых что ни на есть мировых, признанных «общественностью» авторитетов. Все они, как по команде, появляются в предпраздничные недели и месяцы на экранах телевизоров, в радиоэфире, на страницах газет и журналов, чтобы преподнести свою оценку военного лихолетья.

<sup>1</sup> О творцах «исторической мифологии» автору не раз доводилось писать в различных органах российской печати, в том числе и на страницах «Свободной Мысли». См.: **Л. Левин**. Власовцы: миф о благородных рыцарях. — «Свободная Мысль». 2012. № 3/4; **он же**. Внимание! Танки! Об одной реплике Резуна по поводу дискуссии на радиостанции «Эхо Москвы». — «Свободная Мысль». 2012. № 5/6.

Рефреном их высказываний, статей, интервью служит броский и абсолютно бесспорный лозунг: «Войну надо очистить от вранья».

Следует заметить, что призывы «отмыть, очистить, оттереть, отстирать» историю раздаются и с правого, и с левого флангов российского, и не только российского, общества. Некоторые желают этого вполне искренне; но немало есть и тех, кто преследует при этом далеко не самые благородные цели, с трудом скрывая собственные корыстные интересы.

Технология «исторической мифологии» отработана изумительно. Просто диву даешься, как элегантно удается навешивать лапшовую массу на уши вполне достойных представителей русскоязычного мира по всей планете. Непревзойденным мастером этого действия является, безусловно, господин Резун, без лишней скромности присвоивший себе псевдоним «Суворов»<sup>2</sup>. На голубом глазу объявил

<sup>2</sup> Многих из живущих ныне за пределами России, но сохраняющих любовь и уважение к ней, поражает, что, например, радиостанция «Эхо Москвы», утрачивая чувство элементарной безразличности, предоставляет эфирное время такому совершенно бесчестному и нерукопожатному сочинителю военно-исторических небылиц, как Резун.

ЛЕВИН Леонид Григорьевич — писатель, публицист, кандидат педагогических наук (США).

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война Советского Союза, Вторая мировая война, фальсификация военной истории, коренной перелом в ходе Второй мировой войны, Курская битва, битва за Днепр, штрафбат, заградотряды.

себя историком и с чей-то очень умелой подачи буквально заполонил пестрыми книжечками прилавки магазинов и полки библиотек. Правда, технология изобретения сенсаций у этого господина предельно примитивна и однообразна. Как и у всех «мифологов», козырной конек Резуна — беззастенчивое использование читательской неосведомленности в специфических военных и военно-исторических вопросах. Его инструментарий — ложь, перемешанная с полуправдой и рассчитанная на неведение читателей.

# 1

Одна из излюбленных тем «мифологов» всех мастей и оттенков — рассуждения о заградительных отрядах и штрафных батальонах как едва ли не главном секретном оружии Сталина. Послушать западных «мифологов» и их подпевал из либеральных СМИ России, так получается, что использование такого рода подразделений и обеспечило успехи Красной армии, послужив главной силой, заставившей солдат воевать и добиваться Победы.

Именно Резуном была пущена в ход цифирь, которая должна якобы убедить всех интересующихся этой проблематикой в том, какие потери понесла Красная армия от рук собственных властных структур. Чтобы привлечь внимание и поразить читателя, плодovitый автор «мифологических сочинений» в одном из них даже выделил в рамочку круглое, солидное число: «За время войны только военными трибуналами было осуждено 994 000 военнослужащих, из них свыше 157 000 приговорены к расстрелу, то есть практически пятнадцать дивизий были уничтожены сталинской властью».

И словно выполняя чье-то указание извне, всевозможные «мифологи» стали повторять эти цифры как основное доказательство кровожадности Советской власти, проявленной в годы войны. При этом никто не потрудился выяснить: сколько же на самом деле из этих людей было осуждено за преступления, подсудные военному правосудию любой армии? сколько было среди них казнокрадов, расхитителей, вороватых торгашей, самострелов, трусов, перебежчиков? И главное — сколько было действительно невинных? Но без такого разделения на «чистых» и «нечистых», на «козлиц» и «агнцев» нивелируются, выхолащиваются невинность и жертвенность одних и преступная подлость других. Все оказывается сваленным в одну кучу ради кругленького, поражающего воображение неосведомленных людей числа, не имеющего никакого отношения к «очищению от вранья».

Тем более что в большинстве случаев расстрельные приговоры не исполнялись, а заменялись «штрафными ротами» для рядового и сержантского состава и «штрафными батальонами» — для офицерского. Кстати, о количестве дивизий. Если вести подсчеты со знанием дела, то их было не 15, а гораздо больше. Претендующим на роль «борцов за правду» о войне надо было бы знать, что в Красной армии пехотные дивизии практически всегда оказывались недоукомплектованными, а численность личного состава колебалась от 6 до 8 тысяч человек. Не учитывает эта страшная цифирь и того, что некоторые умудрялись попадать в штрафники по несколько раз, многих автоматически определяли в штрафники, освобождая из лагерей. Известны и довольно многочисленные случаи, когда молодые офицеры и солдаты, служившие в тыловых ок-

ругах, например в Забайкальском, специально совершали мелкие преступления — например «теряли» личное оружие, — чтобы хоть осужденными трибуналом, но попасть на фронт, в действующую армию.

Новоявленные «очистители» истории войны от «советских искажений» усиленно пытаются дегероизировать, измельчить, приземлить саму войну, свести воинский подвиг народа до уровня перегруженной вошебойки<sup>3</sup>

**Новоявленные «очистители» истории войны от «советских искажений» усиленно пытаются дегероизировать, измельчить, приземлить саму войну, свести воинский подвиг народа до уровня перегруженной вошебойки и полупустого котелка. Но правда истории заключается именно в том, что дух патриотизма, жертвенность, желание простых людей страны любой ценой победить врага являлись определяющими духовными элементами жизни народа и армии той поры.**

и полупустого котелка. Но правда истории заключается именно в том, что дух патриотизма, жертвенность, желание простых людей страны любой ценой победить врага являлись опре-

<sup>3</sup> Вошебойка — это «оружие» банно-прачечных отрядов РККА. Так участники войны именовали котлы или печи, в которые закладывалось белье и обмундирование и либо паром, либо жаром (прожаривание или пропаривание) уничтожались насекомые-паразиты.

деляющими духовными элементами жизни народа и армии той поры.

Бытует легенда о том, что «зверь» Жуков посылал штрафников своими телами разминировать минные поля. На самом деле отличился этим вовсе не маршал Жуков, а генерал Батов. Он отправил на минное поле офицерский штрафной батальон, который почти полностью погиб. Хладнокровно послал на смерть, зная, что разминирование в полосе наступления не

проведено, послал, чтобы сохранить тайну и неожиданность первого удара. А вот другой командующий, генерал Горбатов, наоборот, после успешного, победного, а главное — закончившегося практически без потерь боя помиловал своей властью весь переменный, то есть осужденный трибуналом, состав штрафного батальона.

Теперь немного займемся арифметикой. Итак, предположим, что осуждено было за четыре года войны действительно 994 тысячи человек. То есть

в год — 248,5 тысячи. Разделим их на количество фронтов и флотов, протянувшихся от Белого до Черного морей. Не забудем включить в это число и не воевавший Закавказский фронт, и Тихоокеанский флот, и внутренние округа, и округа, противостоявшие Японии. Жизнь есть жизнь: воровство, воинские преступления совершались как в тылу, так и на фронте. Разделили — и цифра получается в десятки

раз меньшая — и несравненно менее броская. А если продолжить разнос по армиям и категориям воинских преступлений, то и картина прояснится, и цифра окажется весьма далекой от исходной.

Это и есть очищение ото лжи. Но кому-то выгодна именно округленная суммарная, внушительная, оглушающая неискuschenного обывателя цифирь. Впрочем, желающие могут сравнить ее с числом преступлений и приговоров, выносимых в России в нынешнее, относительно мирное и весьма демократичное время — подсчитать преступность как в армии, так и в примерно равной по количеству людей группе гражданского мужского населения за четыре года войны. Думается, большой разницы не обнаружится.

Также для сведения «мифологов» и попадающих на их удочку простачков уточним: штрафные подразделения — вовсе не привилегия и не изобретение Красной армии. Штрафные батальоны и роты имел в своем составе гитлеровский вермахт, и недостатком контингента они никогда не страдали. Даже в июньских записях 1941 года генерала Гальдера несколько раз упоминаются и штрафные батальоны, и дисциплинарные батальоны разминирования. Вот те действительно специализировались на снятии вражеских минных полей с минимумом оснащения и без привлечения профессиональных саперов. А в июльских записях тот же генерал Гальдер с удовлетворением замечает, что уровень потерь штрафников составляет не менее 25 процентов. И заградительные отряды появились впервые организованно именно в вермахте, во время отступления из-под Москвы. В последний же год войны немецких дезертиров, любых подозрительных типов, просто отступивших без при-

каза с позиций военнослужащих и ополченцев фольксштурма СС, гестапо, «народные» суды и военные трибуналы в целях наглядного устрашения вешали просто гроздьями, не особо затрудняя себя бумажной волокитой. Примерно так, как ранее вешали, например, советских или югославских гражданских заложников, подпольщиков и партизан. К сожалению, нет возможности привести цифры казненных карательными органами немецких военнослужащих. Но скорее всего они будут соответствовать советским, в пропорции к общему количеству личного состава.

Далее Резун по ходу дела запускает исторический ланцет в тело покойного маршала Жукова. Препарирует его бестрепетно. И вытаскивает на свет божий следующее положение: не было, оказывается, к нему солдатской любви! Послушать Резуна, так любили его не фронтовики, а лишь «заградотрядчики». Появлялся Жуков в войсках — солдатики тут же истекали предсмертной горячей слезой, надевали чистое бельишко и писали прощальные письма. Потом — наступление, и никого, кроме безногих и безруких калек, в живых не оставалось. Выходит по Резуну, что все выжившие в войне — заградотрядчики?

Обратимся, однако, к документу. В приказе № 277, более известном как «Ни шагу назад!», четко указано: «...сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом)...» То есть общая численность заградотряда на полосу армии — не более тысячи человек. Легко посчитать, по сколько людей это выходит на километр фронта. Армии, бывало, растягивались и на сотню километров. Но даже и для средних 40 километров — это лишь 25 человек на ки-

лометр фронта. И какой мизерный процент от общего числа фронтовиков служил в этих подразделениях? Кстати, на первых порах, кроме пограничников, в отряды отбирали именно лучших солдат и офицеров из числа отличившихся фронтовиков. И подчинялись они не НКВД — как постоянно утверждают «мифологи» в статьях, книгах, кинофильмах, — а армейскому командованию. Многие прошедшие войну ветераны о таких отрядах вообще слышали только после Победы.

А заградительные отряды в Красной армии появились лишь в 1942 году, как уже говорилось, по приказу № 227. Именно в 1942-м! В отличие от армии гитлеровской, где заградительные отряды начали безжалостную «работу» еще в 1941 году, зимой под Москвой. О чем, весьма однозначно, в приказе Сталина и говорится. Желаящие могут почитать мемуары немецких генералов. И работы историков. Если нет доверия к русским — ознакомьтесь с трудами англоязычных. Например, с прекрасной, ставшей уже классической работой Алана Кларка<sup>4</sup>. Из нее можно узнать, что, если бы не безжалостная воля Гитлера и не беспощадное применение самых строгих мер к солдатам и генералам вермахта, то после удара под Москвой немецкий фронт имел все шансы откатиться к границам 1941 года. Подобное решение Гитлеру предлагали тогда вполне серьезные люди из немецкого генерального штаба. За что, кстати, и поплатились.

Впрочем, и фюрер не явился первооткрывателем заградительных отрядов. Не стоит далеко ходить — откроем «Прощай, оружие!» Эрнеста

Хемингуэя. Там очень подробно и красочно описаны расстрелы отступающих итальянских офицеров и генералов итальянскими же заградительными отрядами в Первую мировую войну — чему сам писатель оказался свидетелем. Имелись подобные формирования и в немецкой армии, и в австрийской, и в российской императорской. Даже в республиканской французской армии для борьбы с дезертирами использовались специально отобранные части. Кстати, именно такие карательные части подавили бунт в Специальном русском экспедиционном корпусе, воевавшем во Франции в годы Первой мировой войны. О чем подробно написал, в частности, маршал Малиновский, служивший там рядовым стрелком.

Что касается маршала Жукова, то он — не дама, жаждущая любви. Да, Жуков добивался выполнения задач, не считаясь с потерями... Увы. Но из миллионов вернувшихся с войны фронтовиков «заградотрядчиков» был все же чрезвычайно малый процент. И не любовь «заградотрядчиков», а уважение, авторитет и любовь армии и народа спасли Жукова сначала от «любви» товарищей Берии и Сталина, а позже — и от «благодарного» Никиты Хрущева. Не стоит Резуну всех выживших фронтовиков скопом записывать в «заградотрядчики». Это по меньшей мере непорядочно. А по большому счету — просто гнусность, как, впрочем, и все, что выдается на гора разного рода «историческими мифологами» — как на Западе, так и в России...

Но вернемся к теме штрафбатов. Кто только в последнее время не писал о них, не имея при этом ни малейшего представления о том, что те представляли собой на самом деле. Своего рода вершиной этой тенденциозной,

<sup>4</sup> См. А. Кларк. План «Барбаросса» (Крушение третьего рейха 1941–1945). М., 2004.



скандально-показушной «кляквы» могут служить книга покойного ныне Э. Володарского «Штрафбат» и снятый по ней фильм. После показа его по ТВ «мифологи» стали ссылаться на него, как на убедительный и надежный источник информации по всей проблематике штрафбатников. И вот этого им делать явно не следовало, чтобы не выставить себя в смешном виде.

Дело в том, что, работая над книгой и сценарием фильма, автор не считал нужным даже поверхностно изучить историю возникновения и боевые действия штрафных батальонов, почитать мемуары воевавших в них людей, встретиться с остававшимися еще живыми бойцами и командирами. Результат того, что при написании он исходил исключительно из собственных умозрительных представлений о таком явлении, как «штрафбат», проявляется буквально с первых страниц и первых кадров фильма. У людей, знакомых с реальностями того времени, не может не вызвать улыбки, когда они видят на экране, как сержант-водитель с соломенным чубом возит командира полка в начале войны на «газике» с открытым верхом. Между тем, «газиков» с открытым верхом («козликов») тогда в стрелковых полках не имелось. Легковые машины в пехоте вообще являлись привилегией начальства, начиная с дивизионного уровня. Хорошо, если командиру полка попадалась «эмка», а больше обходились верховыми лошадьми. А вот сержанту-срочнику чуба не полагалось иметь вовсе, в лучшем случае — короткая стрижка.

Но это еще мелочи. Далее, из фильма следует, что штрафбатом командует осужденный полковник. Однако это было просто невозможно. Наоборот, в штрафбат отбирали лучших командиров из боевых частей

фронта, и все штатные должности, должностные оклады и выслуга лет для постоянного состава штрафных батальонов шли с огромной льготой по сравнению с линейными частями. Так, командир батальона имел дисциплинарные и прочие права как минимум командира полка, командир роты — батальона и т. д. В принципе, штрафники иногда, но только после погашения судимости, оставались на командных и прочих должностях в штрафбатах. Но сразу назначить осужденного — это абсолютно непростительный для создателей фильма ляп, точнее — явно заказной, в духе времени, «миф» о войне.

В выдуманном штрафбате Володарского служат уголовники-добровольцы: разжалованные сержанты, осужденные рядовые, даже непонятно откуда взявшиеся священнослужители. И это еще один полнейший «миф». В штрафных батальонах искупали кровью преступления (подлинные и мнимые) только лица командного и приравненного к ним состава. Одни и те же герои проходят службу в вымышленном штрафбате многие месяцы подряд и даже после ранений возвращаются обратно. Это — также продукт заказной «мифологии» или откровенного невежества: дело в том, что срок наказания штрафников строго определялся и, судя по всем имеющимся источникам, не превышал трех месяцев. По его истечению, даже при отсутствии ранений и подвигів, судимость снималась, награды и воинское звание возвращались, и человек убывал к новому месту службы, как правило в армейский или фронтовой офицерский резерв.

В случае ранения в бою искуплением считался сам факт пролития крови. То же самое касалось совершения штрафником подвига или иного героического поступка. В этом слу-

чае полная реабилитация наступала немедленно и сопровождалась награждением правительственной наградой. Иногда, при успешной операции, командующий армией или фронтом одним приказом снимал (погашал) судимости со всего переменного состава штрафного батальона. Но в любом случае, как правило, в бой всегда шли рядом и офицеры постоянного состава, и офицеры-штрафники.

Лица рядового и сержантского состава, за исключением сержантов-летчиков, искупали вину в штрафных ротах, но не в батальонах. О штрафных ротах и написано, и известно меньше. Многие, как Володарский, постоянно путают их со штрафными батальонами. Но, так или иначе, у прочитавших книгу и посмотревших фильм складывается превратное впечатление, будто бы войну выиграли своей бесшабашной удачей и отчаянной храбростью блатные урки и осужденные преступники, якобы служившие в штрафных батальонах. Конечно, штрафные подразделения свою лепту в достижение Победы внесли — тут спора нет. Но романтизировать их образ и преувеличивать значение — значит создавать очередной миф, направленный на искажение исторической правды и роли боевых, гвардейских и линейных, а не штрафных частей и подразделений Красной армии. Чем, собственно, «исторические мифологи» годами и занимаются.

## 2

Но оставим господина Резуна, пребывающего в весьма колоритной компании «изгнанников» и «борцов» на Британских островах. Перейдем к иной категории творцов «очищенной от советских искажений» военной истории — к интерпретаторам

от истории. Это, как правило, люди, не имеющие ни военного, ни исторического образования, но считающие себя вправе претендовать на «самые верные» оценки общеизвестных фактов, а любые пробелы — интерпретировать на свой вкус и на потребу конъюнктуры дня и «генеральной» линии издательского спроса. А также, не в последнюю очередь, испытывающие непреодолимое желание понравиться своим покровителям на Западе, заслужить их расположение в расчете на получение дополнительных материальных средств, предназначенных, естественно, на дальнейшие «творческие изыскания»...

Граничащая с наглостью наивность мифологов порой просто умиляет. Почему-то они позволяют себе считать глупцами и невеждами поголовно все население и своей страны, и зарубежья. Передо мной выпущенная некоторое время назад нью-йоркским издательством «Либерти» книга Г. Попова «Война и правда: цена победы»<sup>5</sup>. В ней, среди прочих высосанных из пальца «сенсаций», читателям «открывают» глаза на ход и итоги Курской битвы, 70-летие которой отмечается в нынешнем году.

Автор выплескивает на страницы книги целую порцию выдумок и мифов, с тем чтобы принизить в глазах людей значение победы Красной армии на Курской дуге, во многом определившей весь дальнейший ход войны. Вот что пишет бывший московский мэр Г. Попов, в силу каких-то неведомых причин вдруг возомнивший себя глубоким знатоком истории минувшей войны: «К середине июля советские войска в районе Курска оказались в полуокружении. Что было

<sup>5</sup> У автора этих строк нет сведений, с какими исправлениями, дополнениями и изъятиями эта книга позднее была опубликована в России.

дальше? А на деле спасти Сталина от повторения лета 1942 года бросились союзники. 10 июля 1943 года — в критический момент Курской битвы — Эйзенхауэр начал десантную операцию и высадился на острове Сицилия. Итальянская армия была разгромлена. Части Эйзенхауэра быстро начали двигаться.

13 июля 1943 года Гитлер срочно вызвал с Курского фронта Манштейна и Клюге и заявил, что “вынужден свернуть операцию “Цитадель”” из-за гораздо более важной для него Италии. 15 июля был издан приказ о прекращении немецкого наступления и об отходе на исходные позиции».

Далее автор живописует убытие дивизий СС в Италию и без тени сомнения заявляет: «А вот “обескровившие” немцев войска Воронежского и Степного фронтов приходили в себя до 3 августа... До самой осени 1943 года Красная Армия не могла наступать».

Написанное в цитируемой книге если не дословно, то очень близко повторяет описание итогов Курской битвы, данное Чарльзом Винчестером в книге «Ostfront — Hitler's War on Russia, 1941—1945», опубликованной еще в 1998 году. Книге, между прочим, в России до сих пор малоизвестной. В ней содержатся традиционные подходы к оценкам Второй мировой войны, которые близки и понятны американским читателям, воспитанным в полной уверенности, что именно вмешательство в ход войны США обеспечило победу над фашизмом, тогда как сражения на Восточном фронте носили второстепенный характер. Не станем в данном случае искать причины, заставившие Г. Попова целиком принять концепцию американских историков, и обратимся в поисках истины к другим источникам.

В успехе операции «Цитадель», как сегодня известно исследователям,

Гитлер сомневался с самого начала ее планирования, нервничал, отодвигал ее сроки, старался максимально насытить ударные группировки новейшими «тиграми» и «пантерами». Его отношение к предстоящей битве характеризуется словами, сказанными главному инспектору танковых войск вермахта генерал-полковнику Гудериану на совещании по производству танков еще 17 мая (цитирую по упомянутой выше книге А. Кларка «План “Барбаросса”»): «От одной мысли об операции “Цитадель” меня тошнит». Взволнованный Гудериан спросил, зачем в таком случае вообще нужно наступать на востоке? На этот вопрос вместо Гитлера поспешил ответить Кейтель: «Мы должны наступать из политических соображений!» Так или иначе, но решение оказалось принятым.

Основания для сомнений у Гитлера, конечно, имелись. Что же противостало нацистскому вермахту и войскам СС в районе Курского выступа? Приведем только некоторые данные. Центральный фронт, например, имел такую насыщенность артиллерией, что артиллерийских полков стояло в обороне больше, чем стрелковых, — в общей сложности свыше 20 тысяч стволов, из которых 6 тысяч составляли противотанковые 76-мм пушки. Реактивных систем залпового огня «катюш» имелось 920. Плотность минных полей достигала 4 тысяч мин на квадратную милю. Подтягивались резервные части, танковые армии и корпуса, строились глубокоэшелонированные полевые укрепления.

Все это, разумеется, не оставалось незамеченным для немцев. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал фон Манштейн в связи с этим даже открыто выступил перед Гитлером с требованием отмены «Цитадели», говоря, что операция неосу-



ществима и от нее нужно отказаться. Но Гитлер, который никогда не отменял однажды принятого решения, поддержанный «карманными» генералами Кейтелем (начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта), Цейцлером (начальник Генерального штаба сухопутных войск) и фон Клюге (командующий группой армий «Центр»), назначил наступление на 5 июля. Он следующим образом формулировал основную стратегическую задачу «Цитадели»: если даже не получится глубокого прорыва, подобного осуществленным в 1941 и 1942 годах, то, по крайней мере, удастся обескровить русских, остановить их продвижение на Запад и на Балканы, к нефтяным скважинам Плоешти.

«День независимости Америки — начало конца Германии», — сказал по поводу наступления на Курской дуге начальник штаба 48-го немецкого танкового корпуса генерал-майор фон Меллентин, имея в виду, что наступление началось 5 июля — на следующий день после национального праздника американских союзников СССР.

Но обратимся сначала к стенограммам совещаний у Гитлера, которые пунктуально велись с декабря 1942 года до последних дней войны. То есть именно в то время, когда Гитлер окончательно подмял под себя немецкий генералитет, лично возглавил командование вооруженными силами Германии и начал повторять ошибки, допущенные Сталиным на первом этапе войны. Стенограммы этих совещаний сохранились и изданы в 2003 году на английском языке в книге «Hitler and his Generals, military conferences 1942—1945. The first complete stenographic record of the Military Situation Conferences — from Stalingrad to Berlin».

## 3

Итак, 5 июля 1943 года германские танковые «клещи» начинают сжиматься. Вначале им удастся «выщербить» два углубления в многослойной советской обороне. И неудивительно. Красной армии в июле 1943 года противостоял противник, обладавший огневой мощью и маневренностью, которые намного превосходили возможности вермахта в 1941 году. Число одних танковых дивизий составляло 17. Продвижение стальной армады обеспечивали пять пехотных корпусов. Девять лучших, оснащенных новейшими броневыми машинами танковых дивизий СС и вермахта наступали на фронте порядка 50 километров. Немецкие танки двигались «тупым клином», имея в острие и по бокам тяжелые «тигры», а в основании — модернизированные средние танки Т-3, Т-4, новейшие тяжелые штурмовые орудия.

Тяжелым танкам и самоходкам в первые дни боев удавалось локально прорывать оборону советских войск, которая, впрочем, в отличие от 1941 года немедленно смыкалась позади, отсекая пехоту, средние танки и самоходные орудия. При таком положении дел сказались слабые стороны механической части «пантер» и отсутствие оборонительного вооружения на «фердинандах». Тяжелые самоходные установки, имевшие прекрасные дальнобойные пушки и выдерживавшие на дистанциях более полукилометра удары снарядов танков Т-34, с близкого расстояния беспрепятственно сжигались русской пехотой, использовавшей огнеметы и бутылки с зажигательной смесью, забрасываемые на жалюзи двигателей.

Вот как описывает Курскую битву непосредственный участник сражения немецкий генерал-майор фон

Меллентин в переведенной на русский язык книге «Бронированный кулак вермахта». В начале сражения «48-й танковый корпус располагал примерно 60 самоходными орудиями и более чем 300 танками — такой ударной силы у него потом уже никогда не было».

5 и 6 июля: «Войскам приходилось наступать по сплошному минному полю... Наши части несли значительные потери... Несмотря на неоднократные массированные удары нашей авиации по позициям русской артиллерии, ее огонь не ослабевал».

7 июля немцам удалось немного продвинуться, но «войска измучены, 3-я танковая дивизия не смогла далеко продвинуться».

В книге «Panzer Leader» генерал Гудериан пишет, что танки «тигр» фирмы «Порше» оказались непригодными для прорыва пехотных оборонительных линий: «Им не удалось ни уничтожить, ни подавить противника... К русским позициям они вышли без пехоты... Несмотря на исключительную храбрость и неслыханные потери, пехота дивизии Вейдлинга не смогла использовать прорыв танков. Продвинувшись на 10 километров, войска Моделя были остановлены».

8 июля разведывательному отряду «Великой Германии» «удалось уничтожить двадцать один танк Т-34», но поставленные задачи так и остались невыполненными. «Больше не оставалось никаких сомнений в том, что наступательный порыв немецких войск иссяк, наступление провалилось». И это на южном участке фронта, где «вмятина» в русской обороне была в два раза большей, чем на северном фланге.

Ни о каком «полуокружении» речи не идет. Даже в момент наибольше-

го углубления две немецкие «клевши» разделяло более 100 километров, а сил преодолеть их уже не имелось. В ночь на 12 июля части «Великой Германии» были заменены 3-й танковой дивизией и отведены на краткосрочный отдых и ремонт. Занявшие место элитной дивизии СС обычные части вермахта оказались незамедлительно выбиты со своих позиций в результате атаки русских.

13 июля «против танкового корпуса СС и 11-й танковой дивизии русские предпринимали сильные контратаки... потери русских огромны, но они восполняются новыми частями... Они располагают неистощимыми резервами».

14 июля. Вслед за кратким отдыхом и ремонтом «Великая Германия» вновь в бою. Но «после десяти дней боев... “Великая Германия” очень ослаблена, в то время как ударная сила русских не только не уменьшилась, а, пожалуй, возросла». А ведь танковая дивизия «Великая Германия» — одно из самых лучших и отлично вооруженных соединений войск СС и вермахта. «К концу дня 14 июля стало совершенно очевидно, что немецкое наступление провалилось... С немецкой стороны потери в личном составе были не так уж велики, зато потери в танках были потрясающими. Танки типа “пантера” не оправдали возлагаемых на них надежд: их легко было поджечь... Из всех “пантер”, принимавших участие в боях, к 14 июля осталось только несколько машин. Не лучше обстояло дело в танковом корпусе СС».

Командующие группами армий «Центр» и «Юг» были вызваны на совещание в ставку Гитлера «Вольфшанце» только 13 июля. Если бы ситуация в Италии действительно оказалась столь драматичной, то Гитлер отозвал бы военачальников

в первый же день высадки десанта наших западных союзников, то есть 10 июля (момент начала на Сицилии операции «Хаски»). В верховном командовании немцев в очередной раз возник разлад между Гитлером и его генералами. Теперь уже генерал-фельдмаршал фон Манштейн, находясь в ставке, упрямо настаивал на продолжении операции, а Гитлер и генерал-фельдмаршал фон Клюге требовали ее прекратить.

Операция «Цитадель» была свернута в результате силы и стойкости стоявших в обороне войск Красной армии и наличия у нее больших неиспользованных резервов. Практически уже к 12 июля и Гитлер, и большинство его генералов осознали безнадежность дальнейших атак и прекратили «Цитадель» ввиду полного провала и невозможности достичь поставленных целей. В этот день, перейдя в наступление на северном фланге Курской дуги (Орловская наступательная операция), уже советские войска вклинились на 50 километров в глубину немецкой обороны и с востока ворвались в Орел. Полностью город был освобожден 31 июля. 17 июля Красная армия перешла в наступление на юге между Изюмом и Таганрогом. Наступать «обессиленная» Красная армия смогла и дальше, уже 23 августа освободив, на сей раз окончательно, Харьков. Как видим, миф о том, что Красная армия не смогла наступать до осени 1943 года, — не более чем грубая подтасовка фактов.

Развитие событий в Италии лишь незначительно повлияло на события на Курской дуге. Об этом свидетельствуют послевоенные мемуары немецких генералов и стенограммы совещаний с участием Гитлера. До государственного переворота в Риме и смещения Муссолини особых

тревог положение в Италии у Гитлера вообще не вызывало. Десантные войска союзников подвергались ударам немецкой штурмовой авиации, несли потери. Гитлер, как видно из стенограмм первых дней боев в Италии, считал, что позиции немецких войск вокруг Этны сильны и вполне способны задержать наступление десанта союзников.

Поэтому действительно важное совещание, посвященное Италии, произошло только утром 25 июля 1943 года. Начиналось совещание, как обычно, с разбора событий на Востоке, а не в Италии. В частности, обсуждалось положение на северном фланге фронта, требовавшем привлечения танкового корпуса СС. Гитлер в ответ на такое предложение взрывается: «Это невозможно! Я категорически запрещаю!» Далее обсуждается перемещение войск, посылка танкистов СС в Италию без материальной части. Кстати, на том же совещании Гитлер вспоминает печальную историю танковой дивизии «Великая Германия», уже однажды почти полностью уничтоженной в районе Ржева. Тогда погибло 2,7 тысячи танкистов и пехотинцев, не считая раненых, больных, пропавших без вести.

К вопросу ликвидации Курского выступа Гитлер никогда более не возвращается. Он даже соглашается на отвод войск и стабилизацию фронта, предположив, что бои под Курском и Орлом без остатка поглотили большую и лучшую часть советских танков, пехоты, авиации. Следовательно, надеялся он, остаток лета и осень пройдут для немцев спокойно, так как русские, следуя логике его рассуждений, будут так же старательно зализывать раны, как и сами немецкие войска. А. Кларк приводит слова Манштейна: «Мы надеялись, что в ходе операции “Цитадель” нанесли

противнику такие потери, что могли рассчитывать на передышку на этой части фронта, а группа армий “Юг” решила пока отвести значительную массу танков с этого крыла с целью выправить положение на Донецком участке». Как видим, об Италии генерал-фельдмаршал не произносит ни слова.

Немцы отлично знают о собственных потерях, осведомлены и о примерных потерях советских войск. Но — и это самый серьезный момент, который сознательно упускают из виду мифологи, — поле боя, повторим еще раз, осталось за Красной армией. В полевых условиях отдельные ремонтно-восстановительные батальоны дивизий и танкоремонтные мастерские РККА оперативно восстановили порядка 1250 танков из общего числа 2300 подбитых, но отнюдь не бесповоротно выведенных из строя.

Следует воздать должное героической и тяжелой работе советских ремонтников. Кроме всего прочего, восстановление танков — дело отнюдь не для слабонервных. Зачастую из стального корпуса вытаскивали, просто выгребали скребками или лопатами останки сгоревшего экипажа, меняли электропроводку, немного чистили внутри, заваривали или заклепывали пробойну и заново регулировали дизель. На покраску времени не оставалось. В танках с чисто механическими повреждениями работы оказывалось меньше. В результате усилий ремонтников безвозвратные потери (полностью разрушенные внутренними взрывами боеприпаса танки) составили немногим более тысячи машин. Немецкие же поврежденные танки, в том числе «тигры», «фердинанды» и «пантеры», оставшиеся на поле боя, достались победителям в качестве трофеев.

Вот данные, которые приводят практически все зарубежные источники: немецкие войска имели перед наступлением 2,7—3 тысячи танков и штурмовых орудий, 2 тысячи самолетов, 900 тысяч военнослужащих. Противостоявшие им советские войска: 3,4 тысячи танков, 2,1 тысячи самолетов, более чем миллион человек личного состава. Эти данные о противостоявших друг другу группировках помогают выяснить истину в вопросе о потерях в живой силе и технике.

Описывая участие в Курской битве войск СС, издание «SS-Wiking, The History of the Fifth SS Division 1941—1945» сообщает: «Правдивый подсчет немецких потерь так никогда и не был завершен, но его можно оценить примерно в сто тысяч убитых». По данным книги «The World War II Desk Reference», изданной при участии Центра Эйзенхауэра, число немецких потерь в Курской битве с 5 июля по 17 августа составило 70 тысяч. Издание «The Illustrated History of WW II by John Ray» оценивает потери немцев в 70 тысяч убитых и почти 3 тысячи потерянных танков.

Уже упоминавшаяся работа «Ostfront — Hitler's War on Russia 1941—1945» Ч. Винчестера, судя по всему послужившая основой для «научных» выводов Г. Попова, говорит о недостоверности советских данных (уничтожено 2952 танка, 195 штурмовых орудий, сбито 1392 немецких самолета). Однако формулировки, приведенные в этой книге, весьма обтекаемы. В ней говорится: «Группа армий “Центр” докладывала о потере примерно половины имевшихся в начале танков — 304, включая 39 “элефантов”. Группа армий “Юг” — о потере 233 полностью уничтоженных в ходе “Цитадели” танков, включая 58 “пантер”... В конце июля группа армий “Юг” имела около 500 боеспо-

собных танков, половину из того, с чем начинала сражение». Исходя из этих данных, «Цитадель» стояла немцам около 700 полностью потерянных танков. Как видим, речь идет о полностью уничтоженных и не подлежащих восстановлению танках — подбитые машины в ходе боя не учитывались.

Но и здесь просматривается некая «мифологическая» нелогичность. Если до начала битвы обе немецкие «клешны» имели примерно равное количество танков, то есть по 1,5 тысячи (общее число — 3 тысячи), а после — соответственно, половину, то потери должны были составлять примерно 1,5—1,7 тысячи машин, но никак не 700. Объяснить подобный разнобой можно тем, что в боевых донесениях из частей подсчитывались все танки, остановленные огнем и минами в ходе боя. Тут и подбитые, и поврежденные, и взорванные — все вместе, так как определить их точное состояние визуально зачастую просто невозможно. В ходе боев часть танков немцы вытягивали бронированными тягачами и отправляли на ремонт в Харьков и Богодухов, часть восстанавливали на месте. Но то же самое, как уже отмечалось, весьма успешно осуществляли и советские отдельные ремонтно-восстановительные батальоны, передвижные танкоремонтные заводы и мастерские.

Один и тот же танк, советский или немецкий, в течение десяти дней боев мог несколько раз сменить экипаж, неоднократно получить выводящие из строя повреждения, связанные с частичной или полной потерей боеготовности. Происходил, например, разрыв гусеницы миной или пулей противотанкового ружья, заклинивание башни снарядом, вывод из строя механика-водителя или членов эки-

пажа и т. д. И немецкие, и советские командиры вполне обоснованно вписывали в боевое донесение каждую бронированную машину врага, потерявшую подвижность в результате столкновения на их участке боя. Отсюда и разнобой. Но, как отмечалось выше, множество подбитых советских машин осталось на территории, контролируемой частями РККА, и позже восстановлено, а большое число немецких было захвачено на поле боя и на ремонтных предприятиях в Харькове и Богодухове.

Следует заметить, что завышение потерь противника на войне — явление распространенное. В Красной армии с этим стремились бороться. Например, в период Сталинградской битвы начальник штаба Донского фронта генерал-лейтенант М. С. Малинин писал в своем распоряжении начальникам штабов 64, 57, 21, 65, 246, 66, 62-й общевойсковых и 16-й воздушной армий о недопущении завышения данных о трофеях и потерях войск противника в донесениях соединений и частей: «Просматривая ежедневно итоги дня о количестве уничтоженной живой силы и техники и захваченных трофеях, я пришел к выводу, что эти данные значительно завышены и, следовательно, не соответствуют действительности».

О состоянии дел в танковых войсках СС поведал историк Ян Бакстер в книге «Eastern Front. SS: The Secret Archives». Характеризуя действия танковых дивизий СС, автор пишет: «В течение нескольких дней Советская армия свела на нет мощные немецкие танковые силы, выбив немецкое наступление из расчетного графика. В конце третьего дня наступления 2-й танковый корпус СС потерял 160 танков из 200, имевшихся вначале, что оставило корпус практически



небоееспособным... 12 июля 1943 года второй танковый корпус СС оказался вовлечен в танковое сражение на холмах вокруг Прохоровки. Это был климакс операции «Цитадель», в которой погибли тысячи солдат и были потеряны сотни танков с обеих сторон... Ударные немецкие части были остановлены, принуждены замереть». Речь опять идет об уже утраченной немцами к 12 июля победе.

Война есть война. И потери РККА также были немалыми. Если принять общие потери советских войск тоже за 50 процентов, как это было в случае 5-й гвардейской танковой армии, то они составят величину не более 1,7—2 тысяч машин. Кроме того, следует учитывать, что некоторые советские танковые дивизии и бригады вступали в бой вооруженные не средними танками Т-34 или тяжелыми танками КВ, а легкими Т-60 и Т-70, а также разнотипными танками английского и американского производства.

Очень большой процент потерь пришелся на долю именно легких танков Т-60 и Т-70, к борьбе с новыми тяжелыми немецкими машинами абсолютно не предназначенных, что и привело к окончательному снятию их с производства. Нечто аналогичное произошло с модернизированным немецким танком Т-3, после Курска никогда уже в крупных сражениях не участвовавшим, но с вооружения так и не снятым.

Что касается самолетов, то действительно их было потеряно больше советской стороной, но не в такой дикой пропорции, как уверяют «мифологи». Увы, для Курской битвы, как и для многих последующих, характерно то, что в бой посылались не одни только «старики», а наскоро обученные выпускники летных училищ. А далее шел естественный отбор. Но так же происходило и во

время битвы за Великобританию. В танковых войсках Красной армии многие потери также были обусловлены слабой подготовкой экипажей, особенно командиров и механиков-водителей, недостатками приборов управления огнем, наведения, электрического привода поворота башен и т. д.

В небе над Курской дугой преимущество пока удерживалось люфтваффе, но существовать такому положению дел оставалось недолго, точнее — до начала операции «Багратион». Потери советской авиации в Курской битве (1735) в три раза больше немецкой (порядка 600), но тут следует учесть положение дел, о котором мифологи не упоминают. Во-первых, к Курску Геринг стянул всех лучших асов люфтваффе. Это удалось, так как в воздушной войне над Германией наступила небольшая передышка, связанная с огромными потерями стратегической авиации союзников в результате отсутствия дальних истребителей сопровождения.

Во-вторых, примерно такое соотношение в воздушных боях наблюдалось и на Западе. До появления дальних истребителей потери бомбардировщиков союзников в три раза превышали потери немецких истребителей. По различным данным, за время налетов в небе Германии было потеряно около 9 тысяч бомбардировщиков союзников и около 130 тысяч членов их экипажей. В результате потерь союзной авиации Германии достались многие тысячи тонн дефицитного алюминиевого лома, что позволило немцам в конце 1943 года за счет вторичного металла (то есть свалившегося с неба металлолома) в три раза увеличить выпуск истребителей.

В-третьих, командование Красной армии в Курской битве зача-

стую даже истребители использовали в качестве штурмовой авиации, оставляя бомбардировщики без прикрытия, что увеличивало потери от действия истребителей. При штурме на малых высотах очень эффективное противодействие оказывала отлично организованная немцами противовоздушная оборона. Особенно это касалось многочисленной скорострельной мелкокалиберной зенитной артиллерии противника с хорошо тренированными расчетами.

## 4

Теперь о событиях, последовавших за Курской битвой. Прежде всего о полной и непоколебимо наивной уверенности немцев в долговременной стабилизации фронта. О наличии подобного заблуждения свидетельствует тот факт, что немецкие командиры перебросили все танки, которые удалось эвакуировать с поля боя, в том числе поврежденные, требовавшие ремонта и обслуживания, на ремонтно-восстановительные заводы Харькова и Богодухова. Уже в августе, при освобождении этих городов, многие из находившихся в ремонте машин оказались захвачены Красной армией в качестве трофеев прямо в цехах или на железнодорожных платформах. Впрочем, еще перед наступлением советских войск ремонтные базы Харькова оказались настолько перегружены, что после 1 августа немецкую бронетанковую технику начали отправлять еще дальше от фронта — в Киев. В танковых дивизиях оказался огромный некомплект, а весь стратегический резерв немецкого командования составляла одна 3-я танковая дивизия.

Первоначально Гитлер предполагал использовать весь 2-й танковый корпус СС в Италии, считая, что в Рос-

сии он пока не нужен. Но среди военного командования эта идея не встретила поддержки. Вот как бесстрастно зафиксировала стенограмма совещания отчаянный вопль генерал-фельдмаршала фон Клюге: «Мой фюрер, я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что сейчас ничего нельзя забрать с фронта. Об этом совершенно не может идти речь в данный момент». В итоге в Италию решили отправить личный состав дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер», передав ее изношенные танки двум остающимся на Восточном фронте дивизиям 2-го корпуса СС. Дивизию наметили пополнять поступающими с заводов машинами прямо на пути на новый фронт.

Стенограмма из ставки Гитлера фиксирует, что шло деловое, спокойное обсуждение необходимого числа эшелонов, но нервозности, особой срочности никакой не наблюдалось. Более того, Гитлер даже предлагает начать наступление в Донбассе. Затем это решение отменяется, и фюрер приказывает Манштейну немедленно начать наступление против советских войск на плацдармах за Миуссом.

Не попав в Италию, две дивизии СС 30 июля начали наступление на Миусском плацдарме, где в распоряжении генерала Р. Я. Малиновского имелась всего одна танковая бригада. Соотношение сил оказалось в пользу врага, и через несколько дней ожесточенных боев плацдарм был вновь захвачен немцами. Планомерного советского наступления потеря Миусского плацдарма не остановила. Уже 3 августа советские войска под командованием генерала Н. Ф. Ватутина перешли в наступление, ударив во фланг 4-й танковой армии немцев к западу от Белгорода. А 6 августа начался общий отвод немецких войск

на оборонительные позиции так называемой линии Гагена — укрепления вдоль Днепра.

«Потери в наших дивизиях были уже тревожно высокими, а две дивизии полностью вышли из строя в результате перенапряжения», — писал о происшедших событиях Манштейн. Из дивизий СС особо чувствительные потери понесла «Мертвая голова». Вообще, советские воины эсэсовцев в плен часто не брали, как, впрочем, не брали в плен советских солдат сами эсэсовцы. Масштабы потерь в войсках СС заставили рейхсфюрера Гимmlера после Курской битвы наплевать на все законы расы, «чистоты крови» и эсэсовской «честь». Пришлось в массовом порядке рекрутировать в «полевые» СС добровольцев из оккупированных стран, бывших уголовников и даже осужденных за различные преступления из тюрем, а порой — и концлагерей.

Показательна стенограмма обсуждения Гитлером в августе состава танковых дивизий. Как и Сталин в 1941—1942 годах, он дотошно, до отдельного танка выясняет состав каждой дивизии, монотонно путается в мелочах, которыми как главнокомандующий вообще заниматься не обязан. Фюрера интересует судьба чуть ли не каждого произведенного заводами танка.

*«Генерал Йодль:* 15-я мотопехотная дивизия до сих пор имеет 28 танков и десять на краткосрочном ремонте. «Герман Геринг» имеет 49 танков, включая 3 «тигра» и 17 штурмовых орудий, четыре из которых в ремонте.

*Гитлер:* 20 танков предполагается добавить? ...Тогда «Герман Геринг» будет иметь 62 танка и 4 «тигра» из начального количества в 90 танков и 17 «тигров»».

Подобный мелочный подсчет явно не от хорошей жизни. Но даже здесь видны масштабы понесенных потерь — до боев общее число составляло 107 единиц, после Курска — 62 средних танка и 4 «тигра».

Кстати, чтобы сдержать советское наступление, уже в ноябре на Украину из Италии и Западной Европы перебрасываются части не только того же 2-го танкового корпуса СС, но и другие соединения. Эсэсовцы попадают там во «второй Сталинград», из которого удалось вырваться далеко не всем.

Какой же вывод можно сделать из всего изложенного выше? Победа советских войск в битве на Курской дуге никак не связана с десантной операцией союзников в Сицилии. Она прошла в заранее запланированные союзным командованием сроки и обеспечивалась умелыми мероприятиями по дезинформации немцев. Не исключено также, что союзники, читавшие благодаря раскрытому коду «Энигмы» секретную переписку командования немецких войск, действительно связали операцию «Хаски» с «Цитаделью», справедливо полагая, что Гитлер в это время окажется связан по рукам и ногам на Востоке. Кроме того, скорее уж сама Курская битва и последующее наступление Красной армии не дали возможности как минимум еще двум дивизиям СС своевременно принять участие в сражении за Италию. Затем осенью эсэсовские танковые части оказались и вовсе возвращены на Восточный фронт для участия в битве за Украину и понесли тяжелейшие потери в русском «котле» под Корсунем, но это уже совсем другая история.

Для подведения итогов предоставим слово автору главы «Война в России» из книги «Мировая война:

1939—1945» генералу фон Бутлару. Как человек военный, он отличается краткостью и прямотой суждений: «Последняя попытка немцев захватить еще раз инициативу на Востоке в свои руки поразительно быстро провалилась в районе Курска. В последующих наступательных операциях летом и осенью русская армия продемонстрировала свои высокие боевые качества и показала, что она располагает не только значительными людскими резервами, но и прекрасной техникой».

Немецкий генерал скромно умалчивает, что бойцы и командиры, генералы и маршалы Красной армии по

уровню подготовки и профессионализму стали к тому времени на голову выше немецких. Зато горестно замечает: «В результате огромных потерь в офицерах, унтер-офицерах и специалистах, составлявших костяк немецких войск, их стойкость становилась все менее прочной, в связи с чем немецкое командование с большой тревогой встречало каждое наступление противника».

Но «историческим мифологам» нет никакого дела ни до подлинных свидетельств участников войны, ни до выводов серьезных исследований историков. У них совсем иные цели и задачи. ◆